

*Сергей Крук
(Рига, Латвия)*

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ЛАТВИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С момента восстановления латвийской государственности в 1991 году этническое и лингвистическое многообразие страны воспринимается как политическая проблема, затрудняющая создание солидарного общества. Людям, переселившимся в Латвию на постоянное место жительства из других советских республик, было отказано в гражданстве, и теперь они должны пройти процедуру включения в социум — интеграцию. Понятие интеграции появилось в политической повестке дня в 1998 году, когда Европейский

союз потребовал сократить число лиц без гражданства как условие начала переговоров о вступлении Латвии в ЕС. Латвийский сейм либерализовал закон о гражданстве, а правительство приступило к разработке Программы интеграции, нацеленной на включение в политическое сообщество постоянных жителей, не принадлежащих к латышской этнической группе.

Концепции интеграции как теоретически и практически стройного текста не существует. Ее принципы фрагментарно и противоречиво изложены в специальных правительственных документах и академических публикациях. Следуя принципам критического дискурс-анализа [28], осуществим аналитическую редискрипцию этих текстовых материалов с тем, чтобы извлечь из них невысказанные смыслы. В этой статье будет показано, что латышские авторы придерживаются двух противоположных подходов к пониманию природы общества. Социо-

логи и политологи трактуют интегрированность как успешное социальное взаимодействие индивидов; роль государства они видят в правовом обеспечении функционирования структур действия и их финансовой поддержке. Сторонники этого подхода рассуждают в рамках эмпирической социологии и либеральной политической философии. Культурологический подход основывается на принципах немецкого историзма XIX века, для которого традиционная община является идеалом социальной солидарности, связывающей индивидов посредством гомогенной культуры. Основной вклад в развитие этого обществоведческого направления вносят лингвисты, чей академический стиль характеризует манипуляция неопределенными и семантически перегруженными терминами, а также приверженность аксиоматическим постулатам в ущерб скрупулезному теоретическому обоснованию.

Оба подхода эклектично перемешаны в документах интеграции, но политической поддержкой всегда пользовалась идея *механической солидарности* на основе этнокультурной и языковой гомогенности, в то время как проекты документов, отражающие контрактный принцип *органической солидарности*, не находили поддержки правительства.

Обзор документов интеграции

Государственная программа «Интеграция общества в Латвии»

Как гласит преамбула документа, утвержденного 6 февраля 2001 года, интеграция направлена на взаимопонимание индивидов и различных групп и их сотрудничество в правовой системе. Основа интеграции — лояльность латвийскому государству, понимание того, что будущее каждого индивида и его личное благосостояние тесно связаны с будущим Латвии, ее стабильностью и безопасностью. Целью Программы является создание демократического, сплоченного гражданского общества, основанного на общих ценностях, а именно на «готовности добровольно принять латышский язык как государственный, уважении языка и культуры латышей и меньшинств». Сохранение традиций, образа жизни, латышской идентичности, обеспечение развития «живой народной силы» гарантируют латышам чувство безопасности и защищенности. Для нелатышей Программа предоставляет политические гарантии: отсутствие угрозы выселения из страны, насильственной ассимиляции и ограничения прав. Государство понимается как символическое выражение стремления народа к национальному

самоопределению. Обретя государственность, латвийский житель должен «сблизиться» с государством, признать его символическое значение. Документ указывает, что латышам необходимо изменить свое отношение к меньшинствам, став более открытыми.

Язык назван символом и инструментом интеграции, хотя инструментальная роль вызывает ряд вопросов. Программа признает, что интегрирующая сторона сама не обладает готовым дискурсивным и практическим опытом, с которым интегрируемые могли бы ознакомиться на латышском языке; кроме того, отсутствуют современные учебники и доступная сеть языковых курсов, что способствовало бы быстрейшему освоению принципов демократии. Много внимания Программа уделяет созданию «единого информационного пространства». Подразумевается, что СМИ на русском языке предоставляют аудитории неадекватную информацию, создавая «параллельное информационное пространство» (Несмотря на распространенность термина «параллельное информационное пространство», его значение нигде не определено. Автор статьи «Конструирование политической истории в параллельных информационно-лингвистических пространствах Латвии» [40] не дает дефиниций даже вынесенных в заголовок понятий «параллельного» и «информационно-лингвистического» пространства.) Программа не предлагает использовать каналы государственного радио и телевидения для передач на русском языке, вскользь говоря о «гибком» распределении эфирного времени для трансляций «на других языках».

Отсутствие ценностных ориентаций и моделей поведения, необходимых для функционирования демократии, призвана компенсировать аксиологическая концепция культуры как целостной структуры, направляющей поведение человека: «Культура является условием формирования творческой, гуманной, национально самостоятельной личности». Результатом успешной интеграции должно стать «общее культурное пространство». Определения этого термина в тексте нет. Политическая культура упоминается в связи с межкультурным образованием; вероятно, имеется в виду толерантное отношение к другим традиционным культурам. Потенциал массовой и популярной культуры документ не рассматривает.

«Лояльность», «вера в латвийское государство» — такие символические конструкции считаются показателями интеграции, но их связь с социальным действием не продемонстрирована. Программа предлагает расширять круг общения в профессиональных и неправительственных организациях, использовать позитивные стимулы, распростра-

нять перспективные идеи и достижения для того, чтобы повысить интерес людей к участию в общественной жизни, а вместе с тем и в межкультурном общении. Такие меры должны дополнить юридическую и экономическую мотивацию латышей, однако проекты, для которых запрашивается финансирование, не предлагают конкретных механизмов их реализации — речь идет только о развитии методик обучения и курсов языка.

*Основные положения политики общественной интеграции
на 2008 – 2018 годы*

Основные положения, разработанные министерством по делам интеграции, должны были стать продолжением заканчивающейся Программы 2001 года. Авторы нового документа предложили принципиально иной подход, отказываясь от лингвистического и культурного детерминизма. Главной задачей интеграции называется укрепление демократического и гражданского общества, а также правовое обеспечение равных возможностей участия в общественной, политической и экономической деятельности страны. Этническая культура потеряла структурообразующую функцию в жизни государства. Речь в документе идет о мультикультурализме как принципе сотрудничества этнических групп. Именно эта идея стала главной мишенью нападок противников политической интеграции. Заявив, что мультикультурализм противоречит сути национального государства, министр культуры заблокировал принятие проекта.

*Основные положения политики общественной интеграции
на 2010 – 2019 годы*

Основные положения, разработанные в 2009 году, тоже не были утверждены правительством. Авторы проекта считают, что культура второстепенна для интеграции; сохранение этнической идентичности они трактуют как «только одну из задач интеграции». Традиционная латышская культура уступила место межкультурному диалогу. Такая двусторонняя модель интеграции позволяет критически оценивать категории культур с точки зрения их функциональности для социальной организации современного общества. Вероятно, авторы подразумевали, что латышская и русская культурные традиции содержат безразличные или дисфункциональные для демократии элементы.

*Основные положения политики национальной идентичности,
гражданского общества и интеграции на 2012 – 2018 годы*

В результате сокращения аппарата правительства вопросы интеграции были переданы в ведение министерства культуры. Подготовленные здесь Основные положения были приняты правительством 20 октября 2011 года. Документ комбинирует универсализм просвещения и этнокультурный партикуляризм контрпросвещения. Нацию и национальное государство документ определяет через этническую культуру. Набор культурных черт, а не гражданство обеспечивает политические права: латыши, являющиеся гражданами других стран, тоже включаются в категорию латвийского народа, который конституция наделяет суверенной властью в государстве.

Понятия национального (этнического) и демократического фактически противопоставлены: «Гражданское общество способствует сплочению нации как на основе национальных, так и демократических ценностей». Признавая гражданскую пассивность, аполитичность латышей, авторы документа требуют «укреплять связь между латышской и европейской идентичностью». Формулировка признает ограниченность традиционной этнической идентичности, поскольку «европейское» в контексте документа совпадает с идеалами просвещения. Но целью интеграции называется этнокультурный национализм: интегрированное общество — это «национальная и демократическая община, которая обеспечивает сохранение и обогащение своей объединяющей основы — латышского языка, культуры и национальной идентичности, европейских демократических ценностей, уникального культурного пространства — во имя уравновешенного развития национального демократического латвийского государства». Особо подчеркивая роль профессионального искусства, документ не только не объясняет, каким образом культура обеспечивает развитие государства, но даже признает, что вообще отсутствует понимание того, как именно учреждения культуры и профессиональное искусство можно использовать для интеграции.

Неспособность эксплицитно связать культуру и действием привела к необходимости ввести новый детерминант поведения — социальную память, которую должна «правильно организовывать» государственная политика памяти. Кроме того, планируется увеличить вмешательство государства в личную жизнь, законодательно регулируя использование языка в частной сфере.

Язык в латышской теоретической традиции

Лингвистический релятивизм

Хотя государственный язык и является краеугольным камнем политики общественной интеграции, лингвисты не объясняют, как язык связан с социальным действием. Латышское языкознание предпочитает дескриптивный метод, не проявляя научного интереса к проблемам социальной жизни языка. В академических публикациях прямо или косвенно язык трактуется в традиции Гердера – Гумбольдта как сакральный инструмент, проявление божественного духа: каждый язык детерминирует особую картину мира нации как коллективный исторический опыт и именно его посредством индивидуальное эго связано с другими. Но латышские теоретики лингвистической интеграции не могут эксплицировать природу социального взаимодействия. Профессор Ина Друвиете пытается это сделать с помощью понятия коллективной идентичности. Она пишет, что «лингвистическая идентичность занимает особое место в комплексе идентичностей», но теоретически не обосновывает свое заявление. Друвиете не только не дает дефиниций ключевых понятий «лингвистическая идентичность» и «особое место», на которых основывается интеграционная политика, но и вообще уклоняется от дискуссии на выбранную тему – вопреки заголовку «Различные факторы лингвистической идентичности» в статье она рассуждает об экологии разнообразия языков [14, л. 53].

Развернутые рассуждения можно обнаружить в монографии социолингвиста Винеты Порини, посвященной двуязычию [35]. Пожалуй, это единственная объемная книга, прямо затрагивающая тему языка и интеграции, хотя приверженность немецкому историзму приводит автора к упрощенным и противоречивым выводам. Идею о языке как инструменте социальной категоризации Пориня развивает до лингвистического релятивизма: язык является важным инструментом этнической категоризации, так как с его помощью этническая группа закрепляет свои границы [35, л. 27, 50]. Коль скоро он неизбежно и прямолинейно детерминирует этническую группу, то основной социальной идентичностью становится этническая. Нелатыши должны вернуться к своей врожденной белорусской, татарской или армянской идентичности и освоить язык предков, а не общаться с родственниками и соотечественниками по-русски. Политическая идентичность может следовать только за врожденной: «Этнические группы, не имеющие лингвистической идентичности, угрожают латвийской политической нации» [Ibid, л. 134].

Реэтнизация общества создает новые барьеры для коммуникации. Преодолеть их и сформировать гражданское общество должно изучение государственного языка — так считает Пориня. Но каким же образом этнический партикуляризм превратится в универсализм гражданского общества, если функция языка как инструмента категоризации заключается в обозначении межгрупповых границ, а этническая идентичность является основой социальной рефлексии индивида?

«Историцистская» лингвистика постулирует, что язык создает свою реальность. Освоить язык — значит получить ключ к картине мира и культуре нации [2]. Поскольку язык как форма совпадает с содержанием [6], то изучение латышской лексики и грамматики позволит русским автоматически поменять свои когнитивные карты. Слияние формы с содержанием подразумевает, что язык может выразить только одно мнение об окружающей действительности и общение на этом языке свободно от ошибок, недоразумений, заблуждений. Будучи носителем уникальной картины мира, ментальных структур мышления и поведения, язык изоморфен социальному действию. Отсюда уверенность в том, что с помощью языковой политики можно создать однородный социум: «Государственный язык является краеугольным камнем однородного общества» [27, л. 4]. Информация на другом языке вредит обществу, поэтому она должна быть тщательно отфильтрована [48, л. 26], а Рижская высшая школа экономики закрыта потому, что английский как язык обучения, не имеющий в Латвии культурного фундамента, содействует проникновению в страну космополитических ценностей [23, л. 158]. Следует заметить, что подобные дилетантские высказывания не включаются в резюме статей и переводные издания монографий на английском языке.

Идеальный язык

Другое направление лингвистики более стройно обосновывает роль языка как инструмента интеграции, хотя и делает это исходя из упрощенных теоретических предпосылок. Речь идет об объективизме младограмматиков. Эта школа языкознания сохраняет в Латвии прочные позиции с момента ее основания крупнейшим лингвистом Янисом Эндзелинсом (1873 — 1961) в 1920-х годах. Язык видится как набор универсальных, поддающихся строгой классификации формул, как номенклатура имен предметов и феноменов реальности. Грамматика представляет собой каркас, заполняемый словами [36; 41; 42]. «Однородная конгруэнтность формы и содержания» позволяет языку служить моделью общественного устройства [6, л. 5]. Редуцирование смыс-

ла до денотации делает ненужным активное участие собеседников в процессе семиотизации — преобразования реальности в знаки и обнаружения смысла в знаке. От них требуется лишь знать имена предметов и правила литературной нормы, позволяющие соединять знаки в предложения. Следование правилам облегчает мышление и обеспечивает безукоризненную передачу мысли из одного сознания в другое, поэтому законы языка должны быть обязательными для исполнения точно так же, как и юридические нормы [41].

Такой подход к вербальному общению игнорирует важные когнитивные категории, контролирующие производство дискурса и интеракцию: осведомленность, рефлексивность, интерпретации, правила, намерения, цели, планы, убеждения, знания, субъективные конструкции контекстов [9]. Само по себе знание языка еще не гарантирует эффективность обмена информацией — в процессе общения стороны ориентируются друг на друга и на знак, учитывая контекст события. Латвийское языкознание исключает говорящего субъекта из языка [32], что в программе интеграции приводит к пренебрежению социальным действием и акторами, которые представляются полностью детерминированными структурой текста. В этом проявляется еще одно сходство с немецким историзмом. Модель воспитания *Bildung* подразумевает, что читатель может воспроизвести или пережить опыт или ценности, вложенные в текст автором.

Власть текстualityности

Исследуя письменные тексты вне дискурсивных контекстов их производства и употребления, лингвисты приписывают прочитанные ими смыслы всей аудитории и полагают, что тексты прямо воздействуют на убеждения и поступки. Это позволяет остро критиковать содержание прессы на русском языке, не обращая внимания на поведение людей. Прессу осуждают за распространение «неадекватной информации о событиях в стране» и «альтернативных мнений» [26, л. 153; 27, л. 326]. Возможность предоставления на русском языке информации, содействующей развитию государственности, исключается. Вместо этого предлагается ужесточение юридических норм и контроль спецслужб над русской прессой [12; 35].

Количественный анализ содержания лингвисты никогда не проводили, а интерпретацию они основывают на предубеждениях, но не на качественной методологии. Пориня утверждает: «Латвийские СМИ на русском языке не отражают мнение меньшинств, а скорее влияют на него и создают его, например, в связи с реформой билингвального об-

разования. Поэтому их нельзя считать объективными источниками информации по вопросам языковой и национальной политики» [35, l. 118]. Социологи и политологи, однако, указывают на грубые просчеты в политике образования. Анализ парламентских дебатов и выступлений политиков в СМИ показывает, что взаимное недоверие культивирует политический дискурс, который использует этническую и лингвистическую категоризацию как инструмент мобилизации электората [45; 53]. Интервью с фокусными группами лишней раз убеждают, что читатели интерпретируют медийную информацию, сопоставляя ее с личным опытом [30].

Результаты интеграции

Устойчивость этнической категоризации

«Чтобы говорить на одном языке в переносном смысле, нужен общий язык в прямом смысле слова», — считает Дривиете [13]. «Этот аргумент ставит телегу перед лошастью, поскольку предполагает, что язык является ключом к интеграции, хотя на самом деле интеграция — ключ к овладению языком», — придерживается противоположного мнения бельгийский лингвист Хуго Бетенс Бердсмор [5, p. 23]. Канадский психолог Джон Эдвардс, специализирующийся в области социального использования языка, утверждает, что его место в групповой идентичности — вопрос политический: язык обозначает границу группы как символ принадлежности, а не как инструмент общения [17, p. 109]. Латвийский опыт подтверждает обоснованность этих замечаний. Этническая принадлежность остается важным критерием категоризации индивидов. Если в середине 1990-х годов свободно устно по-латышски могли изъясняться 40 % представителей меньшинств, то в 2008 — 69 % [56]. Но владение языком не стало лифтом в сектор государственного управления, который продолжает сохранять этническую гомогенность [4; 8]. Даже безупречные билингвы не могут изменить свою социальную категоризацию — латышский язык предлагает только два ярлыка групповой принадлежности: «латыши» (этническая категория) и «русскоязычные». Латышей характеризует стремление к замкнутости и ощущение внешней угрозы, они менее открыты для контакта с представителями других этнических групп [7; 44; 45; 53]. Поэтому язык не может быть главнейшей предпосылкой интеграции, как полагает директор Государственной программы обучения латышскому языку Айя Янелсиня-Приедите [25].

Языковые отличия играют важную роль в создании и поддержании тонких границ власти, статусов, ролей и профессиональных специализаций [22, р. 6–7]. Если этническая принадлежность имеет большое значение, то речевые нюансы – акцент, употребление идиом – будут продолжать поддерживать межгрупповые границы. К тому же лингвисты пытаются сохранить способность языка маркировать социальную принадлежность, подчеркивая, что только «развитый», «качественный» латышский язык может быть инструментом интеграции [13; 15; 48]. Это замечание направлено против разговорной речи, к которой, как пишет Винета Эрнстсоне, латышское языкознание всегда относилось уничижительно [18]. Она обращает внимание на то, что языковые курсы не развивают навыков коммуникации. Выпускники неохотно пользуются латышским языком потому, что не ознакомлены с контекстами живого общения, а также из-за привитого комплекса гиперкорректности.

Теперь лингвисты не настаивают столь категорично на том, что язык является главным показателем интеграции. Качество языка снижается, когда на нем говорят много других [34], в то время как в обязанности латышей входит обеспечение его сохранности [14, л. 58]. Школы с латышским языком обучения неохотно принимают русских детей, поскольку большинство учителей не готовы с ними работать, считая их присутствие в классе проблемой [1]. Базой коллективной идентичности становится «латышское культурное пространство». Основные положения 2012–2018 годов определяют его как инвентарную ведомость: «язык, среда, материальная и нематериальная культура, социальная память и стиль жизни (традиции, символы, исторические события, исторические персонажи, общие представления, праздничные дни, наследие искусства и творчество, стиль коммуникации, природа и отношение к природе, веками создаваемая культурная среда, топонимы, строительные традиции, восприятие цвета и т. д.)».

Незавершенность перечня оставляет возможность исключения индивида из-за неполного соответствия культурному стандарту, внезапно обнаружившемуся при дополнении списка новыми феноменами. Похоже, что такой подход – главная функция культуры. Историк Илзе Болдане отмечает, что в конце XIX века латыши боролись за равенство в сфере социальных, культурных и экономических прав, в то время как сфера культурного наследия использовалась для формирования отличия от других групп [7]. Культура как профессиональное искусство позволяет равняться на развитые, «культурные» нации, а культурно-историческое наследие – отличаться от соседних этносов. Концепция интеграции настаивает на фетишизме культуры как различении.

Заинтересованность в совместном действии

По утверждению автора Программы интеграции социолога Элмарса Веберса, незнание латышского языка изолирует граждан от политических процессов, затрудняя их участие в жизни государства [49, л. 63]. Но и поведение латышей не соответствует ожиданиям демократии. Латышская картина мира, которую другие должны обрести вместе с языком, сама по себе не является идеальным эскизом демократии и социальной солидарности. Гражданская активность населения крайне низка. Об упрощенном понимании механизмов и ценностей демократии свидетельствует дискурс политической элиты [51].

Концепцию интеграции этнических меньшинств и политическую пассивность следует рассматривать в свете представлений о социальной солидарности. Документы 2001 и 2012 года упоминают понятие гражданского общества, но не представляют механизма его моздания. Цель первого документа — добиться «сближения индивидов и государства», второго — «создавать устойчивую связь между индивидом и государством, умножать ответственность людей за общество, в котором они живут». Эти формулировки не предусматривают публичной сферы, находящейся между частным сектором и государством. Предполагается, что индивиды стремятся к максимизации частных интересов, ведущей к росту напряженности в межличностных и межгрупповых отношениях, а поскольку они неспособны к самоорганизации, то государство должно контролировать социальное поведение — на это указывают контексты употребления слова «общество» в парламентских дебатах. Коннотации организованности и порядка относятся к слову «народ», обозначающему этнокультурную общность [24]. Таким образом, именно традиционная культура воспринимается как гарант социальной солидарности.

Совместное действие (к чему стремится интеграция) предполагает заинтересованность со стороны участников, которую можно вырабатывать и проявлять дискурсивно. Но эмпирические данные указывают на недостаток дискурсивной компетенции. Социологи констатировали высокий индекс догматизма: большинство латышей и нелатышей видят мир черно-белым, убеждены в существовании одной единственной правильной точки зрения; только четверть респондентов демонстрирует свободное мышление и готовность принять другие взгляды [44, л. 78]. Проект единой социальной памяти, разработанный в Основных положениях 2012–2018 годов, исключает плюрализм мнений в эт-

нической группе. Из «латышской памяти» исключены левый, технократический, космополитический дискурсы и связанные с ними достижения. Авторы Основных положений, отвергнутых правительством в 2008 году, признавали плюрализм взглядов, обоснованный различным историческим опытом. Для социальной солидарности достаточно лишь снизить конфронтацию противоречивых интерпретаций событий прошлого, а не навязывать один нарратив.

Дискурс-анализ коммуникативных ситуаций, затрагивающих конфликтные вопросы, констатирует эристический характер диалога, не обремененного рассудительной логикой [31; 43]. Взаимные эмоциональные нападки на личность оппонента поддерживают противостояние сторон, которые жалуются и негодуют, зачастую достигая театрального эффекта. Хотя такое вербальное поведение накаляет страсти, а не отвечает на вопросы, оно бывает полезно для дискуссии. Свободно выразив затаенное недовольство, собеседники могут перейти к рассудительному диалогу, сопоставить свои взгляды на вещи. Тем не менее, судя по политическому и медийному дискурсам, политические коммуникаторы не открыты для изменения своей позиции, продолжая вербальное противостояние.

Герберт Кларк, основываясь на теории справедливости и понятии лица, разработал дискурсивную модель заинтересованности в совместном действии [9, р. 289–295]. Для ограничения эгоистической максимизации индивидуального интереса социальные группы создают системы справедливого распределения затрат и выгоды. Справедливость может быть восстановлена 1) требованием компенсации потерь; 2) переоценкой потерь; 3) таким определением ситуации, в котором потеря выглядит справедливой. Теория справедливости предполагает, что люди пытаются избежать страданий, причиняемых несправедливостью. К страданиям приводит потеря лица — позитивного образа или уважения, которое человек требует к себе от других в соответствии с совершенными им в процессе общения действиями. Люди могут поддерживать, обрести или потерять лицо, но любое изменение вызывает эмоции.

Медийный и политический дискурсы не только не разрабатывают принципов справедливости, воспроизводя культурную травму, но и представляют негативное лицо оппонента. Это отталкивает русских читателей от латышских масс-медиа: их аудитория не увеличилась за счет освоивших латышский язык, хотя именно в этом заключалась функция государственного языка как инструмента интеграции. Судя по данным опросов, произошло обратное — среди причин отсутствия

интереса к латышской прессе все чаще называется «личное убеждение» [56]. Стиль русской прессы вызывает неприязнь латышской аудитории, о чем здесь уже упоминалось. Стороны не могут приступить к дискурсивному разрешению воспринятой несправедливости.

Иначе обстоят дела в межличностном общении, где собеседники избегают этнической напряженности. К сожалению, о том, как это происходит, можно судить только на основе личных наблюдений и данных некоторых опросов [39; 44]. У нас не проводилось этнометодологических исследований того, как индивиды актуализируют этническую принадлежность и какими методами они пользуются для осуществления действий и отчета о них.

Этнометодология фокусируется на роли интерсубъективности и обсуждении «общего контекста», полагая, что индивиды хорошо осознают производимые ими социальные события [21]. Этнолингвистический детерминизм игнорирует непосредственный опыт, накопленный в повторяющихся ситуациях взаимодействия. Так, Пориня утверждает, что «экономический прогресс наиболее выражен в лингвистически гомогенных странах, где использование одного языка облегчает коммуникацию, имеющую большое значение для экономических связей» [35, l. 84]. Эмпирическое исследование, однако, показывает, что бизнесмены легко преодолевают языковые барьеры. Поскольку они нацелены на сотрудничество и взаимопонимание, то выбор языка общения диктует необходимость получить полноценную информацию, а не навязать свой язык [19, p. 250–251]. Вопреки установке лингвистов доля латышей, полагающих, что свободное владение русским языком важно, увеличилась с 62 до 74 % в период с 1997 по 2008 год, о необходимости английского языка говорят примерно 80 % респондентов [56, l. 48].

Заинтересованность в совместном действии в частной сфере не снимает напряженности в сфере публичной коммуникации, ставя человека перед необходимостью маневрировать между противоречивыми системами убеждений. «На бытовом уровне конфликта нет. Открываешь газету – есть, закрываешь – нет! Включаешь телевизор – есть! Приходишь на работу – нет!», – такая типичная констатация когнитивного диссонанса прозвучала в фокусной группе [55, p. 88]. Сохраняется диссонанс из-за отсутствия навыков решения конфликтов в рассудительном диалоге, предпосылкой которого являются правила коммуникации. Соглашение о них не находится в сфере языка и языкознания – это вопрос социальных структур, регулирующих санкции и награды. Суть интеграции, таким образом, заключается не столько в знании языка, сколько в понимании дискурсивных правил и заинтересованности их соблюдать.

Приоритет этнокультурной идентичности означает полное принятие традиции, хотя она культивирует дисфункциональные коммуникативные модели. По крайней мере, информанты Илзе Болдане их воспринимают как неотъемлемую часть этнокультурной идентичности [7]. Во-первых, они воспроизводят культурную травму, тематизированную вокруг лишения государственности в 1940 году. Так же и публичный дискурс меланхолическое проживание боли предпочитает одномоментному ее переживанию в трауре (о меланхолии и трауре см. [20]). Меланхолик не может восполнить утрату, потому что не понимает, чего же именно он лишился. Журналист популярной националистической газеты заметил, что, рассказывая о причиненных русскими бедах, читатели ссылаются на газетные публикации, но не на свой опыт [33]. А для исцеления культурной травмы необходим самостоятельный пересмотр собственного опыта. Во-вторых, то, что информанты называют латышским стилем коммуникации, усугубляет социальную пассивность. Дистанцированность, замкнутость, приспособление к собеседнику, избегание дискурсивных конфликтов затрудняют взаимодействие с незнакомыми людьми, так как оправдывают различие между словом и делом.

Как уже было упомянуто, по мере исполнения Программы ее авторы осознали, что латышский язык и традиционная культура сами по себе не регулируют поведение. Фактором интегрированности теперь чаще называется ментальность, принадлежность «латышскому культурному пространству». Речь идет о само собой разумеющемся знании — типизациях и определениях, обосновывающих ожидания, вокруг которых организованы ежедневные действия [38]. Инсайдер переживает это как поле настоящей и возможной деятельности и только во вторую очередь как объект для размышлений. Знание не систематизируется по научным методикам, а организуется исходя из принципа соответствия действиям — человек не старается все основательно изучить, а отдает предпочтение только некоторым полезным элементам [3]. Это знание не всегда доступно с помощью языка.

Концепция интеграции предпочитает дискурсивное сознание практическому, полагая, что публицистика и литература помогут узнать латышский образ жизни и приведут к новой организации опыта. Понятие сплоченного общества предполагает совершение индивидами рекурсивных действий, что делает социальные отношения прогнозируемыми. Социологические исследования демонстрируют ограниченность этнокультурной самоидентификации. Этническая принадлежность имеет значение для 53 % латышей, 30 % русских и 24 % представителей других этносов [54, p. 30]. Хотя среди латышей этот показатель и намного выше, он все-таки недостаточен для того, чтобы гово-

речь о единообразии картины мира. Молодые латвийцы оперируют несколькими идентичностями — на это влияет место проживания, уровень образования, социальная активность, а не только национальность [37]. Взаимопониманию поверх этнических барьеров помогает общий интерес к глобальной популярной культуре. Сотрудничая в производстве культуры и ее интерпретаций, молодые люди озабочены качеством, эстетической ценностью, новизной своего произведения, но не языком и этничностью партнера. Более того, коль скоро такие инициативы не получают государственного финансирования, то логика рынка мотивирует организаторов расширять аудиторию, актуализируя общие предпочтения и даже поощряя на своих мероприятиях двуязычие [29].

Вне зависимости от этнической принадлежности латвийцы разделяют территориальную, социально-политическую и экономическую составляющие национальной идентичности; латыши в отличие от других гораздо больше значимости придают ее культурологическим составляющим — психологическому восприятию (гордость за страну, ее символы), отношению к этнической культуре и языку, а также историческим нарративам и мифам [52]. На основе этнографических наблюдений Даце Дзеновска сделала вывод, что в публичной жизни латыши и русские демонстрируют одинаковое поведение и навыки взаимодействия. Она объясняет это общей советской социализацией. Поэтому этническая и языковая категоризация индивидов не является свидетельством их социально-политических предпочтений [16].

Концепция интеграции актуализирует этнически маркированные различия, пренебрегая общими ценностными ориентациями. Пожалуй, это стало причиной того, что вопреки замыслам Программы интеграции на практике упор делался на административные методы и юридические ограничения, а не на развитие системы обучения языку [10, р. 96]. Билингвальное образование в русских школах было введено в спешке, без консультаций с представителями заинтересованных сторон и при отсутствии четкого определения целей и индикаторов [53]. Принуждение получает даже теоретическое обоснование. Так, социолингвист Пориня своеобразно адаптировала пирамиду иерархии потребностей Абрахама Маслоу для педагогических целей: она предлагает лишить русскоязычное население доступа к удовлетворению физиологических потребностей, чтобы мотивировать их изучать латышский язык [35, л. 28 – 29].

Программа развития ООН и институты Евросоюза финансировали разработку принципиально иной системы обучения. Под руководством Айи Янелсини-Приедите, учившейся и работавшей в универси-

тетах Швеции и ФРГ, была создана методика преподавания латышского как второго языка (до сих пор в основе учебников для русских были методики преподавания латышского как родного языка). В обучение введены игровые элементы и разговорная речь, созданы интерактивные методы для разных профессиональных групп, издавалась еженедельная двуязычная газета, помогавшая учащимся осваивать социально-политическую лексику... Социолингвисты, работающие в институтах, финансируемых из государственного бюджета, не признают этот педагогический метод, популяризуя приемы юридического принуждения [47].

Выводы

Программа интеграции не была выполнена. Эксперты это объясняют отсутствием политической воли и плохой организацией работы государственных институтов [11; 51; 53]. Эрозия традиционной латышской общины, что косвенно признает академический дискурс, создала дополнительные трудности для включения в общество других, а политическая поддержка культурологического подхода изначально обрекла эту миссию на неудачу. Его сторонники стремятся к восстановлению механической солидарности, основанной на гомогенности индивидов, связанных языком и культурой. Культурологи озабочены тем, как социально пассивные субъекты государства воспроизводят символические формы этнокультурной нации. Политологи и социологи отстаивают понятие политической нации. Исходя из принципа социальной дифференциации и индивидуализации, они говорят о вовлечении индивидов в социальное действие, что согласуется с принципами органической солидарности современного общества.

Теоретическое обоснование культурологического подхода в этой статье реконструировано на базе публикаций лингвистов. Понимая общение как акт механической передачи смыслов, они полагают, что его эффективность зависит только от выбора языка, а посему уже сам факт обмена информацией на государственном языке создает идеальную коммуникативную ситуацию. Это позволяет некритично подходить к особенностям производства латышских дискурсов, одновременно отвергая дискурсы на русском языке как искажающие реальность. Исполнители политики интеграции не обращают внимания на уникальный контекст создания дискурса как на проживаемую человеком социальную реальность здесь и сейчас.

Политические документы существенно не способствовали достижению взаимопонимания и сотрудничества как цели интеграции — к

такому выводу приходит социолог Айварс Табунс. «Интеграция осуществлялась главным образом в результате неполитической деятельности, хотя СМИ и тормозили этот процесс» [46]. Недостатком теоретической разработки концепции интеграции является отсутствие интереса к этнометодологическим исследованиям ситуаций межэтнического общения. Возможности интерсубъективного конструирования заинтересованности в совместном действии гораздо шире и контексты взаимодействия более разнообразны, чем концепция это представляет в парадигме механической солидарности.

Список литературы

1. *Аустерс И., Голубева М. и др.* Многообразие входит в латышские школы: дети национальных меньшинств в латышских школах. Рига, 2006.
2. *Друвиете И.* Функционирование и статус латышского языка // Коммунист Советской Латвии. 1988. №12. С. 45–51.
3. *Шюц А.* Чужак // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
4. *Apine I.* Etnopolitikas analīze // Pretestība sabiedrības integrācijai: cēloņi un sekas. Rīga, 2007.
5. *Baetens Beardsmore H.* Who is afraid of bilingualism? // Bilingualism: Beyond Basic Principles. Clevedon, 2003.
6. *Blinkena A.* Esiet viens, un būsiet stipri! // Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi. 2009. №4. L. 5–12.
7. *Boldāne I.* Latviešu etniskā identitāte un tās loma sabiedrības integrācijas procesā Latvijā // Pretestība sabiedrības integrācijai: cēloņi un sekas. Rīga, 2007.
8. *Brands-Kehris I.* Citizenship, Participation and Representation // How integrated is Latvian society? Rīga, 2010.
9. *Clark H.* Using Language. Cambridge, 1996.
10. *Diatchkova S.* Ethnic Democracy in Latvia // The Fate of ethnic democracy in post-communist Europe. Budapest, 2005.
11. *Dribins L.* Sabiedrības integrācijas tendences un prettendences Latvijā un Igaunijā // Sabiedrības integrācijas tendences un prettendences, Latvijas un Igaunijas pieredze. Etnisko attiecību aspekts. Rīga, 2008.
12. *Druviete I.* Latvijas valodas politika Eiropas Savienības kontekstā. Rīga, 1998.
13. *Druviete I.* Valodas politiskā loma sabiedrības integrācijas procesā // Integrācijas un etnopolitika. Rīga, 2000.
14. *Druviete I.* Lingvistiskās identitātes daudzveidīgie aspekti // Latviešu valoda – robežu paplašināšana. Rīga, 2005.
15. *Druviete I.* Latviešu valodas attīstība un standartizācija // Latviešu valoda 15 neatkarības gados. Rīga, 2007.
16. *Dzenovska D.* How to Be a Minority: The Politics of Conduct and Difference in the New Europe (в печати).
17. *Edwards J.* Challenges in the Social Life of Language. Basingstoke, 2011.

18. *Ernstson V.* Ikdienas runas normas pedagoģiskie aspekti // Valoda-2001. Humanitārās fakultātes XI zinātniskie lasījumi. Daugavpils, 2001.
19. *Ernstson V.* Dynamics of Language Proficiency and Use in Latvia // Break-out of Latvian. A sociolinguistic study. Rīga, 2008.
20. *Freud S.* Mourning and Melancholia // The Standart Edition of the Complete Psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. L., 1957.
21. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, N. Y., 1967.
22. *Gumperz J.* Discourse Strategies. Cambridge, 1982.
23. *Hirša Dz.* Valsts valodas politikas pamatvirzieni Latvijā // Pilsoniskā apziņa. Rīga, 1998.
24. *Ījabs I., Kruk S.* Saeima, vārdi un demokrātija. Rīga, 2008.
25. *Janelsiņa-Priedīte A.* Latviešu valodas apguves valsts programmas nozīme sabiedrības integrācija // Pilsoniskā apziņa. Rīga, 1998.
26. *Joma D.* Latvijas iedzīvotāju lingvistiskā attieksme // Latviešu valoda 15 neatkarības gados. Rīga, 2007.
27. *Joma D.* Latvijas iedzīvotāju attieksme pret izglītības reformu (1998–2004) // Latviešu valoda 15 neatkarības gados. Rīga, 2007.
28. *Jørgensen M., Phillips L.* Discourse Analysis as Theory and Method. L., 2002.
29. *Kalniņa A., Sūna L.* Kultūra un sabiedrības integrācija // Sabiedrības integrācijas tendences un prettendences, Latvijas un Igaunijas pieredze. Etnisko attiecību aspekts. Rīga, 2008.
30. *Kļave E.* Etnopolitisko diskursu analīze: valodas kopienu varas attiecības Latvijā. Rīga, 2010.
31. *Kruk S.* Politisko aktoru diskvalifikācija publiskajā diskursā // Latvijas Universitātes raksti. Komunikācija. 2002. № 648. L. 196–226.
32. *Kruk S.* Evicting the Speaking Subject: A Critique of the Latvian Concepts of Language // Journal of Baltic Studies. 2011. № 4. P. 447–463.
33. *Lemešonoks D.* Nacionālisms 5D // Delfi. lv. 2012. 24 feb.
34. *Nītiņa D.* Modernā cilvēka valoda. Rīga, 2004.
35. *Poriņa V.* Valsts valoda daudzvalodīgajā sabiedrībā: individuālais un sociālais bilingvisms Latvijā. Rīga, 2009.
36. *Rozenbergs J.* The Stylistics of Latvian. Rīga, 2004.
37. *Rungule R., Koroļova I., Sniķere S.* Jauniešu iekļaušanās analīze identitātes un līdzdalības diskursu kontekstā // Sabiedrības integrācijas tendences un prettendences, Latvijas un Igaunijas pieredze. Etnisko attiecību aspekts. Rīga, 2008.
38. *Schütz A., Luckmann T.* The structures of the life-world. Evanston, IL, 1973.
39. *SKDS.* Uzskati par starptautiskajām attiecībām Latvijā: Latvijas iedzīvotāju aptaujas rezultātu apkopojums. Rīga, 2005.
40. *Skudra O.* Politiskās vēstures konstrukcijas Latvijas paralēlajās informatīvi lingvistiskajās telpās // Latvijas Arhīvi. 2006. № 4. L. 138–160.
41. *Skujiņa V.* „Valodā nav likumu” (Igoris Šuvajevs) jeb Filozofs pret valodas mugurkaulu // Labrīt. 1994. 25 okt.
42. *Skujiņa V.* Nacionālās valodas noturīguma pamati gadsimtu gaitai // Linguistica Lettica. 2001. № 8. L. 5–14.

43. Šulmane I., Kruk S. Neiecietības izpausmes un iecietības veicināšana Latvijas presē 2004. gadā. Rīga, 2006.

44. Šūpule I., Krastiņa L. et al. Etniskā tolerance un Latvijas sabiedrības integrācija. Rīga, 2004.

45. Šūpule I., Zepa B. Etniska apdraudētība kā dzīves kvalitātes aspekts // Dzīves kvalitāte Latvijā. Rīga, 2006.

46. Tabuns A. Identity, ethnic relations, language and culture // How integrated is Latvian society? Rīga, 2010.

47. Valodas situācija Latvijā: 2004 – 2010. Rīga, 2011.

48. Valsts valodas politikas pamatnostādnes 2005. – 2014. gadam // Guidelines of the State Language Policy for 2005 – 2014. Rīga, 2005.

49. Vēbers E. Valstiskā apziņa politiskās nācijas struktūrā // Pilsoniskā apziņa. Rīga, 1998.

50. Vēbers E. Vai teiksim ardievas sabiedrības integrācijai? // Pretestība sabiedrības integrācijai: cēloņi un sekas. Rīga, 2007.

51. Zepa B. Demokrātijas diskursi mūsdienų Latvijā // Akadēmiskā Dzīve. 2008. №45. L. 13 – 20.

52. Zepa B., Kļave E. Latvija. Pārskats par tautas attīstību, 2010/2011. Nacionālā identitāte, mobilitāte un rīcībspēja. Rīga, 2011.

53. Zepa B., Lāce I. et al. The Aspect of Culture in the Social Inclusion of Ethnic Minorities. Flensburg, 2006.

54. Zepa B., Šūpule I. et al. Ethnopolitical tension in Latvia: Looking for the conflict solution. Rīga, 2005.

55. Zepa B., Šūpule I. et al. Integration Practice and Perspectives. Rīga, 2006.

56. Zepa B., Žabko O., Vaivode L. Valoda. Atskaite. 2008. Rīga, 2008.

ЗНАКИ ИСТОРИИ

Время Корфа — эпоха революционных потрясений, когда вопрос о принципах государственного устройства затрагивал сущностные основы власти. Являясь свидетелем перемен начала века, он до последнего оставался безразличным к судьбе России, последовательно отстаивая точку зрения, что вековые конфликты российских народностей могут быть «умиротворены лишь согласно великому началу национального самоопределения, а таковое лучше всего удовлетворяется принципам федерализма»

Е. Петров